

Наверное, Винникотт был еще и добрым человеком...

Трудно писать предисловие к книге, которая не нравится, но, может быть, еще труднее — к той, что вызывает восхищение. Хочется использовать одни превосходные степени, и думаешь: сама бы я такому предисловию не поверила. Но что поделать, если книги Винникотта — действительно абсолютно уникальное явление в психологической и психоаналитической литературе, а сама его фигура видится стоящей у врат современного неклассического анализа, может быть, неким мерилом вещей.

Вспоминается такой случай: один американский аналитик первый раз ехал в Россию, чтобы провести семинар. Он не очень представлял себе будущих слушателей и, просматривая в самолете свои наброски, ужаснулся: “А вдруг они не читали Винникотта?! О чем же я им тогда смогу рассказать?” (Заметим, что Винникотта все не только цитируют, но и, кажется, любят — вне зависимости от теоретических предпочтений, даже лаканисты.)

Начнем с того, что эта книга, изначально адресованная матерям маленьких детей, детским врачам и медсестрам, написана обычным разговорным языком, без использования специальных терминов, за исключением тех, которые ввел сам Винникотт. А его термины — это слова обычного разговорного английского: “обычная преданная мать” или “достаточно хорошая мать”, “переходный объект”, трудно переводимый на русский язык “holding” (мы даже решили просто воспользоваться транслитерацией “холдинг”. По словам Винникотта, “холдинг — это все, что мать делает, и все то, чем она является для своего грудного ребенка”. Существует и буквальный смысл — держание на руках.) То есть читать эту книгу может каждый. При этом Винникотт описывает самые сложные аспекты развития ребенка, ничуть не упрощая их.

Помню, что, прочитав в юности Достоевского, я подумала: “А как же теперь читать обычные книги?” Так и после Винникотта почти все описания родительско-детских отношений представляются слишком упрощенными, примитивными, недостаточно точными. Это не относится к изложению результатов специальных исследований — но их читают только профессионалы. Кроме того, психоаналитические описания переживаний ребенка иногда кажутся понятными с психоаналитических же позиций, но бывает неясно, как то или иное явление непосредственно выражается в поведении ребенка, которое мы можем наблюдать. А когда читаешь Винникотта, то воочию видишь, как, например, достигается константность объекта (сам автор этого слова не использует, оно очень сложное) или важность выживания объекта, подвергшегося нападению со стороны ребенка; как важно, что материнская грудь не разрушается от его агрессии, не становится другой — что дает ребенку опыт того, что выражение агрессии не влечет за собой непоправимых последствий.

В этой книжке очень велика “концентрация идей на единицу текста”, а язык автора чрезвычайно точен. Поэтому ее оказалось так трудно переводить —

терялись смысловые оттенки и хотелось множить комментарии вокруг большинства фраз. И то, что книга состоит из отдельных статей, написанных в разные годы, и многие идеи в них повторяются в различных вариациях, с моей точки зрения, является очередным ее достоинством, а не недостатком. Может быть, это позволит нам, читателям, действительно постепенно понять, о чем пишет Винникотт. И тогда нас ожидают самые неожиданные открытия.

Автор демонстрирует, как знания, полученные в процессе психоаналитической работы со взрослыми психотиками, помогают лучше понять переживания совсем маленьких детей, которые еще не владеют речью, чтобы о них рассказать; и наоборот, наблюдения за грудными детьми предоставляют много информации, необходимой для лечения пациентов с серьезными нарушениями. Совершенно поразителен пассаж в главе о коммуникации матери и ребенка, где Винникотт меньше чем на странице текста излагает основное отличие современного психоанализа от классического — понятным для профессионала образом. Он говорит, что единственный способ обратиться к самому раннему опыту — это вновь пережить его; поэтому задача пациента — не просто понять, а вместе с достаточно хорошим аналитиком, в аналитическом сеттинге, являющемся “поддерживающим окружением”, как бы заново прожить начало своей жизни, в которой всего этого по разным причинам не хватало. (Идея восполнения дефицитарности в противовес идее исследования и инсайта.) Говорят, Винникотт утверждал, что дает интерпретации по двум причинам: во-первых, чтобы показать, что он не спит, а во-вторых, чтобы пациент сам мог убедиться: аналитик тоже может обижаться. Не прибегая к терминологии, Винникотт вводит представление о “reparenting” — любимая тема дискуссии последних лет. В это трудно поверить: вы можете действительно понять самое главное про такой сложнейший предмет, как современный психоанализ, прочитав эту тоненькую книжку!

Если книги про родителей и детей, а также издания о современном психоанализе на русском языке все же существуют (например, “Разговор с родителями” того же Винникотта*), то описание процесса родов — да еще с точным зрением рождающегося младенца — вы не найдете нигде! Беременные женщины, спешите! Честное слово, вы избежите многих ошибок и сможете стать “достаточно хорошими” мамами для своих будущих деток. (Странное дело, но советы гениального Винникотта удивительным образом напоминают советы необразованных мудрых бабушек, которых остается все меньше и меньше.)

“...Я надежна — не потому что я совершенная машина, а потому что я знаю, в чем ты нуждаешься. Я забочусь о тебе, я хочу, чтобы ты имел то, что тебе сейчас нужно. Ты можешь быть уверен, что я где-то рядом, когда бы я тебе ни потребовалась. Вот это и есть моя любовь к тебе сейчас, когда ты такой маленький и беспомощный”, — такое сообщение передает достаточно хорошая мама своему ребенку, передает всем своим поведением — тем, как она его держит, биением своего сердца, своим запахом, молоком и дыханием. И это создает основу его будущего доверия к миру, творческого отношения к нему и психического здоровья — в самом широком и высоком смысле этого слова.

Мария Тимофеева

1. ОБЫЧНАЯ ПРЕДАННАЯ МАТЬ*

Как сказать что-то новое на избитую тему? Мое имя у людей ассоциируется со словами, взятыми для заголовка этой главы, и сначала, пожалуй, я объяснюсь по этому поводу.

Однажды летом 1949 года я отправился в бар с режиссером Би-Би-Си Изой Бензи, теперь уже ушедшей на пенсию, однако для меня незабвенной (именно она тогда предложила, чтобы я выступил с серией из девяти бесед на любую интересную мне тему). Изе требовалось броское название для серии радиопередач — а я не подозревал...

Я не склонен, ответил я, указывать другим, что им делать. Да и сам этого не знаю ... Но могу рассказать матерям о том, что они и так успешно делают, — только потому, что каждая предана своему ребенку или, может быть, близнецам. Обычно, сказал я, ребенок, с самого начала оставленный без “квалифицированного” ухода, — это исключение. Иза Бензи схватывала на лету. “Отлично! — заметила она. — Обычная преданная мать!” Вот как все это было.

Представьте, сколько мне досталось насмешек из-за этой фразы. Многие думают, что матери вызывают у меня сентиментальность, будто я идеализирую матерей и не принимаю во внимание отцов, будто не способен понять, что некоторые матери действительно плохи — чтобы не сказать, совсем невыносимы. Мне пришлось примириться с этими маленькими неудобствами, потому что я не стыжусь того, что заключено в этих словах.

Другого рода критика исходит от тех, кто слышал, как я говорил, что одним из факторов в этиологии аутизма является то, что мать ребенка не сумела быть ему “обычной преданной матерью”. Но зачем же пренебрегать логикой? Отсутствие или недостаток того, что мы называем “преданностью” и считаем по-настоящему важным, естественно, будет иметь неприятные последствия. Я вер-

*У Винникотта: “The Ordinary Devoted Mother”, что можно также перевести как “просто посвящающая себя ребенку мать”. — *Прим. научного редактора.*

нись к этому позже — обсуждая смысл, который мы вкладываем в понятие “*вины*”.

Я понимаю, что не избежать очевидных вещей. И это банально, когда я объясняю, что под “преданностью” я понимаю просто преданность. У вас, например, есть обязанность — украшать цветами алтарь церкви в конце недели. Раз взялись, то уже не забудете. По пятницам вы спокойны: цветы — вот они, приготовлены. А свалит грипп — начнете обзванивать прихожан или передадите с молочником кому-нибудь просьбу выполнить за вас эту обязанность, хотя и больно думать, что с ней кто-то справится без вас. Но такого просто не бывает, чтобы прихожане собрались в воскресенье, а алтарь — не убран... или увядшие цветы в грязных вазах обезображивают святое место. Однако, надеюсь, что с понедельника по четверг находятся другие дела и вас не гложет беспокойство из-за цветов. Эта забота где-то дремлет в вашей голове, а пробуждается и начинает вас будоражить в пятницу или, возможно, в субботу.

Так и женщин безотвязно не поглощает мысль о том, что их обязанность — ухаживать за детьми. Они играют в гольф, бывают полностью поглощены работой, им вполне удаются разные мужские занятия: проявлять безответственность, считать все само собой разумеющимся, тратить время на автомотогонки. Это их “понедельник”, “вторник”, “среда”, “четверг” — если прибегнуть к аналогии с цветами для алтаря.

Но однажды они обнаруживают, что стали хозяйками при новых человеческих существах, решивших поселиться под их крышей и, как Роберт Морли в пьесе “Человек, который пришел к обеду”*, предъявляющих требование за требованием; только когда-нибудь в отдаленном будущем они вновь обретут мир и покой, вновь получают возможность для самовыражения более непосредственным образом. В эти же долгие “пятницу”, “субботу”, “воскресенье” женщины выражают себя через идентификацию с тем, что при благоприятных обстоятельствах станет младенцем, который у них родится, и затем обретет независимость и примется кусать кормящую его руку.

К счастью, у женщин есть девять месяцев, чтобы постепенно переключиться с одной формы эгоизма на другую. Нечто похожее происходит и с отцами, а также с теми, кто решил стать прием-

* Пьеса (1939) американского драматурга Джорджа С. Кауфмана (1889—1961), созданная в соавторстве с Моссом Хартом. — *Прим. переводчика.*

ными родителями. Они обдумывают саму возможность усыновления, добиваются ее осуществления, но момент “материализации” ребенка иногда сопровождается разочарованием: люди уже не уверены, что они его хотят.

Подчеркну важность подготовительного периода. В пору обучения на медицинском факультете у меня был друг — поэт. Благодаря ему мы, студенты, обзавелись отличным жильем в трущобах Северного Кенсингтона. Вот как это получилось.

Мой друг, очень высокий, праздный, с неизменной сигаретой во рту, брел по улице, пока не увидел симпатичный с виду дом. Он позвонил. Дверь открыла женщина, лицо которой ему понравилось. Мой друг сказал: “Я хотел бы снять здесь комнату”. Она ответила: “У меня есть свободная. Когда вы переедете?” Он сказал: “Я уже переехал”. Он вошел в дом, и когда ему показали спальню, сказал: “Мне что-то нездоровится, я сразу и лягу. В котором часу у вас чай?” Он лег в постель — и пролежал полгода... За несколько дней мы все там прекрасно устроились, но наш поэт остался любимцем хозяйки.

Но природа распорядилась так, что младенцы не выбирают себе матерей. Младенцы просто “являются” к ним, а матерям отпущено время, чтобы переориентироваться. У матери есть несколько месяцев, чтобы привыкнуть к тому, что теперь ее ориентиром будет не солнце на востоке, а нечто в самом центре ее существа (или этот центр несколько смещен?).

Как вы знаете (и, я думаю, каждый согласится со мной), *обычно* женщина вступает в фазу — из которой *обычно* выходит через несколько недель или месяцев после родов, — когда она в высокой степени является своим младенцем, а ее младенец — ею самой. И здесь нет никакой мистики. В конце концов, она когда-то была грудным ребенком и в ней *живет* память о своем младенчестве, а также память о том, как о ней заботились. Эти воспоминания служат либо подспорьем, либо помехой для ее собственного материнского опыта.

Я думаю, что ко времени появления ребенка на свет мать — если о ней достаточно заботится муж или государство, или и муж, и государство, — готова действовать, прекрасно зная нужды ребенка. Я говорю не о том, что она знает, голоден ребенок или нет, и другие простейшие вещи; я имею в виду те многочисленные тонкости, для которых только мой друг поэт сумел бы найти верные

слова. Я же склонен использовать слово “холдинг”*, распростра- няя его значение на все, чем является мать и что она делает для своего ребенка в это время. Я считаю это время критическим, но боюсь произносить подобные слова, потому что это может заста- вить женщину действовать сознательно как раз там, где она есте- ственно действует *естественным образом*. Это то знание, которое ей не почерпнуть из книг. Ей даже Спок ни к чему, когда она чув- ствует: младенца нужно взять на руки или положить, не трогать или перевернуть; если она понимает, что самым важным является про- стейшее из переживаний, основанное на контакте без действия, которое дает возможность двум отдельным существам чувствовать себя как одно целое. Это дает возможность ребенку *быть*, из ко- торой затем вырастает способность *действовать* и *испытывать воз- действие*. Здесь заключена основа того, что постепенно для ребенка станет бытием-через-собственный-опыт.

Все эти действия матери совершенно незначительны, но, по- вторяемые раз за разом, они дают ребенку основу способности ощущать себя реально существующим. С этой способностью ребе- нок может смело встретиться с миром, или, я мог бы сказать, — устремляться вперед в унаследованном им процессе взросления.

Когда эти условия созданы — обычно так и бывает, — у ребенка появляется возможность развить способность испытывать чувства, которые в какой-то мере соответствуют чувствам, испытываемым матерью, идентифицирующейся с ним, или лучше сказать, пол- ностью отдающей ребенка и заботе о нем.

Через три или четыре месяца после рождения ребенок может быть способен продемонстрировать, что он знает, что это такое — быть матерью, то есть матерью в ее состоянии “преданности” (“посвя- щенности”) чему-то, то есть когда она фактически не является самой собой.

Следует помнить, что требуется длительное время, прежде чем способности, впервые возникающие в начале жизни, разовьются в более или менее отлаженный механизм психической деятельно- сти ребенка. То, что имелось в некий момент, позже может быть

*Слово “holding”, которое вводит Винникотт, именно в этом значении стало широко используемым психоаналитическим термином. В силу этого, а также пото- му, что мы не нашли никакого удовлетворительного перевода на русский язык, мы решили воспользоваться транслитерацией. “To hold” мы переводим как “осущест- влять холдинг”, “нянчить”, “заботиться”. Для полноты понимания важно помнить, что “to hold” в узком смысле означает просто “держат на руках”. — *Прим. научного редактора.*